

Первые встречи

На сцене бьется и кричит обнаженный до пояса человек; его руки и грудь обвивают цепи. Впечатление устрашающее. Четыре действующих лица держат каудалы героя; ему не вырваться из своих оков. Это пьеса авангардистского Театра на Таганке, поставленная по мотивам поэмы Есенина «Пугачев». И в Москве, на кинофестивале 1967 года, меня привлекли на этот спектакль, пообещав встречу с одним из самых необычайных актеров — Владимиром Высоцким. Вместе со всем залом я поражаюсь силе, отчаянно, невероятно-му голосу актера. Он играет так, что кажется, будто все прожектора устремлены на него, а остальная труппа пребывает в тени. Публика аплодирует стоя.

На выходе друзья приглашают меня на ужин с актерами спектакля. Мы отправляемся в ВТО, актерский клуб-ресторан, шумный, но очень симпатичный. Здесь хорошо кормят, и закрывается заведение значительно позже, чем обычные рестораны. Наша маленькая компания устраивается за столиком. Приход наш, кажется, подвиг в зале волну любопытства. Я пользуюсь в СССР совершенно неожиданной для меня популярностью. Все стараются познакомиться со мной, приносят цветы, коньяк, фрукты, меня целуют и обнимают. Я жду великого актера, мне не терпится поздравить его, но мне говорят, что он человек со странностями и вполне способен и вовсе не явиться на ужин.

Уголкем глаза я замечаю, как к столику подходит невысокий, молодой, плохо одетый человек. Мои внимание привлекают его светло-серые глаза. Шум в зале заставляет меня прервать рассказ, я поворачиваюсь к вновь прибывшему. Без единого слова он берет меня за руку, долго держит ее в своих ладонях, потом, поцеловав ее, усаживается напротив и пристально разглядывает меня. Его молчание меня не стесняет; мы смотрим друг на друга, как старые знакомые, встретившиеся после долгой разлуки.

Я знаю, что ты Высоцкий. Ты совершенно не похож на того грубого, кричащего гиганта из пьесы, но постоянность твоего взгляда вновь пробуждает во мне те чувства, которые я испытывала на спектакле. Вокруг нас возобновляются прерванные было разговоры. Ты не ешь, не пьешь, ты только смотришь на меня.

— Наконец-то я встретил вас.

Эти твои первые слова немного смущают меня, я отвечаю тебе комплиментами по поводу твоей актерской игры, но ты как будто не слушаешь, ты хочешь уйти отсюда, тебе не терпится спеть для меня. Мы решаем закончить вечер у московского корреспондента «Юманите» Макса Леопа, чья квартира находится недалеко от центра города. По дороге в машине мы молча сидим и смотрим друг на друга. Твое лицо, освещенное только проплывающими мимо уличными фонарями, то погружается во тьму, то выныривает на свет, и порой мне видны только твои вежные, страстные глаза; я смотрю на твои коротко стриженные на затылке волосы, двухдевятуго штипу с рыжим отливом, запавшие от усталости щеки. Ты не красавец, совсем не красавец, но взгляд твоих глаз завораживает. Едва успев войти, ты бросаешься к гитаре. Первые же ноты, первые аккорды очаровывают меня. Сидя у моих ног, ты поешь для меня одной. Мало-помалу я начинаю восхищаться и текстами песен: их горьким юмором, их глубиной. Ты говоришь мне, что театр — твоя профессия, а поэзия — страсть. А потом, без всяких других вступлений, ты заявляешь, что уже давно любишь меня.

Как любой известной актрисе, мне часто приходилось выслушивать такого рода неуместные признания. Но на сей раз я действительно влюблялась. И уже на следующий вечер мы встречаемся в баре гостиницы «Москва». Здесь многолюдно, я в кругу друзей, но, завидев тебя, я оставляю их, и мы отправляемся гулять. На ногах у меня туфли на высоком каблуке, и я явно выше тебя, ты приподнимаешься на носки и шепчешь мне на ухо безумные слова. Я смеюсь. Вскоре, посерьезнев, я говорю тебе, что я, конечно, хотела бы быть твоим другом... но что я приехала в Москву всего на несколько дней, что моя жизнь чересчур занята заботами о детях, тяжелой работой, что Москва далеко от Парижа. Ты отвечаешь, что у тебя тоже есть жена и дети, работа и слава, но что все это не мешает мне стать твоей женой. Несколько шокированная твоим заявлением, я все же соглашаюсь позавтракать встретиться с тобой.

Я прихожу за тобой в театр после репетиции. Этим же утром известный режиссер Сергей Юткевич предложил мне роль Лики Мизиновой — женщины, которую был влюблен Чехов и траги-

Марина ВЛАДИ

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ ВДВОЕМ

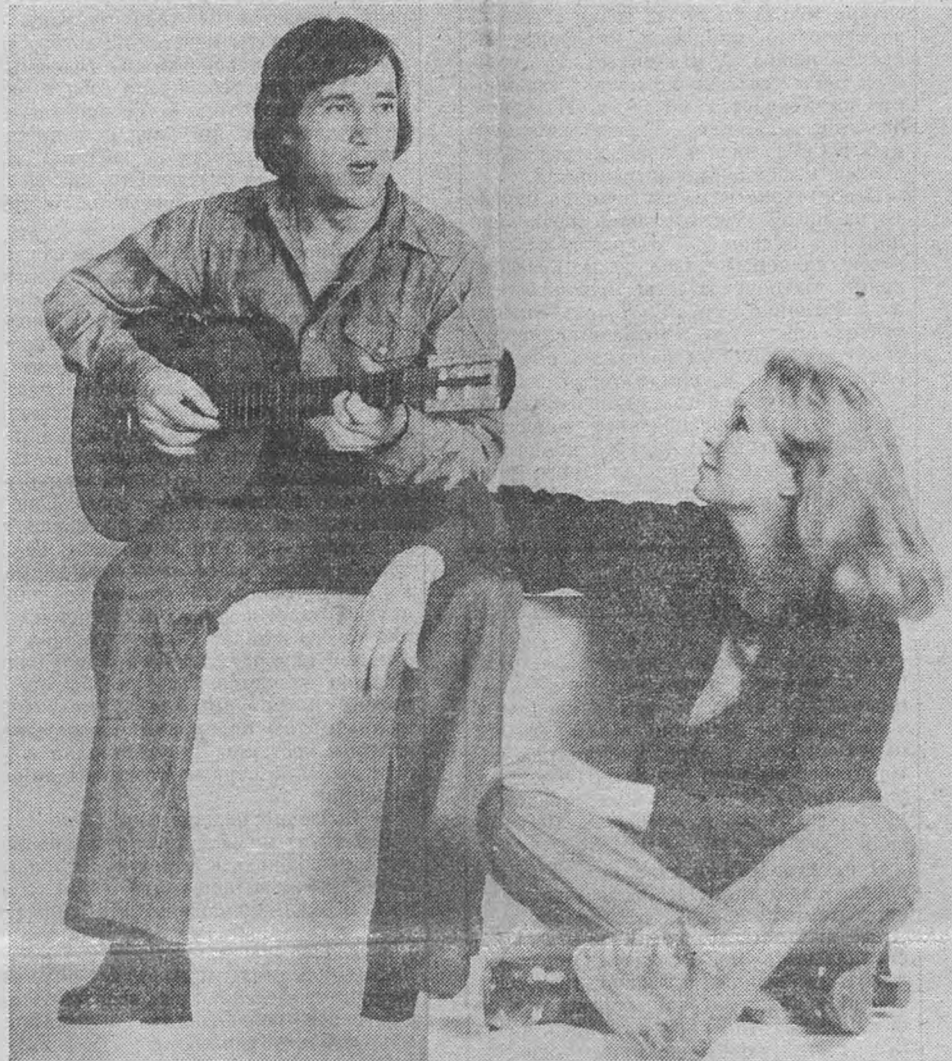

Фото В. Плотникова.

ческая судьба которой послужила ему основой для «Чайки». Я еще не дала окончательного согласия, так как съезды грозят растянуться на год. Ты прижимаешься скакать вокруг меня, кричать, умолять, я повторяю тебе, что все это слишком сложно, но ты стоишь на своем: надо браться за эту работу, тогда мы сможем часто видеться, и, что самое главное, ты сумеешь убедить меня стать твоей женой. Все это говорит как бы в виде шутки, но я чувствую в твоих словах такую нежность, что твой энтузиазм в конце концов передается и мне.

Нам обоим еще нет и тридцати, я разведена, ты уже почти разведен, вся жизнь перед вами. Однако я напоминаю тебе об одной маленькой частности: я-то ведь не влюблена в тебя. «Неважно», — отвечаешь ты, — я сумею тебе поправиться, вот увидишь. Наши встречи продолжают еще несколько дней. Фестиваль подходит к концу, и я покидаю Москву, заключив контракт на съемки в 1968 году.

В мае 1968 года я снимаюсь в фильме «Время жить» — этот вопиющий фильм мы финансировали все вместе: режиссер Бернар Поль, я сама и целая группа актеров и техников. Великое время надежд увлекает нас. Моя связь с коммунистической партией, делящая уже многие годы, становится прочнее. Мои личные чувства, общественная ответственность того времени, моя любовь к России, будущее, которое видится мне рядом с тобой, долгие месяцы, которые предстоит провести в Москве, — все это побуждает меня к конкретным действиям. И в эти непонятные, безумные майские дни все подталкивает меня к этому решению: перед самым отъездом из Парижа, в июне 1968 года, я вступаю в ряды партии.

Наша встреча произойдет не сразу после моего приезда в Москву. Мне сказали, что ты далеко, в Сибири, и что вернуться только через два месяца.

Я начинаю сниматься, жизнь понемногу устраивается, у меня много друзей, живу я в гостинице «Советская», в роскошном номере с мраморными колоннами и пианино, каждый день мне приносят свежие цветы. Мама согласилась поехать со мной. Для нее это путешествие — волнение и постоянные удивления. Ленинград для нее по-преж-

нему остается Петербургом. Наши прогулки переносят нас в далекое прошлое.

Мы едем в пригород Москвы за мной детьми. Они проводят лето в пионерском лагере, где отдыхают дети работников «Мосфильма». Я решила окунуть их в настоящую советскую среду, потому как лагеря отдыха для маленьких иностранцев очень далеко, на берегу Черного моря, и к тому же я хочу, чтобы дети научились говорить по-русски. Сложно им было только первую неделю, а теперь они уже вполне могут объясниться на чужом языке.

Всю неделю я работаю и забираю их только на воскресенье, и отмечаю про себя, что их словарный запас пополняется, естественно, главным образом только за счет разнообразнейших ругательств. Сегодня дети особенно возбуждены. Оказывается, они услышали и учили паязусь песню, в которой говорится обо мне.

Глядя в твои насмешливые глаза, я сразу понимаю, что песню эту написал ты, в те времена, когда мы еще не были знакомы:

Сегодня в нашей комплексной бригаде
Прошел слух о бале-маскараде,
Раздали маски кроликов, словов в
алкоголиков,
Пазначили все это в зоосаде.
Зачем идти при полном при параде?
Скажи мне, моя радость, Христа ради
Она мне: «Одевайся, мол, я тебя
стесняюсь.
Не го, мол, как всегда пойдешь ты
сзади.
Я плагу — говорит, — взяла у Нади.
Я буду нынче, как Марина Влади.
И проведу, хоть гресну я, часы свои
воскресные,
Хоть с пьяной твоей мордой, по в
варяде».

Любовь

Мы отправляемся на пикник на берег озера, погода стоит прекрасная, вода чистая, как стеклышко, ребята играют, вырывают и что-то кричат нам в друг другу, ты вполголоса пачкаешь, я слушаю тебя, и все мы счастливы.

Ты уходишь, взяв с меня слово провести следующие выходные с тобой. Я ложусь в постель, но заснуть не могу. Мама приходит посидеть со мной, ты кажешься ей странным и загадочным молодым человеком, я так много рассказывала ей о твоём галакте, что она сразу же почувствовала к тебе симпатию, и с этим чувством мама не расстанется никогда.

В условленный день ты приходишь очень рано. Ты увозишь меня за город, в тихое безлюдное место, к берегу реки. Из путешествия по Сибири ты привез песню о людях, несправедливо осужденных при Сталине: человек, вернувшись из лагеря, просит растопить ему «баньку по-белому», чтобы душа его могла раскаться. Странная песня, в которой ты впервые назвал меня Мариной. Потом ты читаешь мне первые строчки «Охоты на волков». Я чувствую, что строфы эти, которых еще не слышал никто, ты посвящаешь мне.

Месяцы, проведенные за разговорами, взглядами, смехом, были только прелюдией к чему-то неизмеримо более глубокому. Нам обоим по тридцать лет, каждому в жизни многого пришлось испытать, мы сменили несколько жён и мужей, имеем на двоих пятерых детей, познали успех, богатство, неудачи, славу. И все же мы любим друг друга, как дети, очарованные сами собой. Отныне мы связаны до самой смерти.

* * *

Ты продолжаешь лечение в Белоруссии. Сюда нас привез твой друг, вместе с которым ты снимался в фильме о партизанах. Мы живем у его старой тетки в деревне, уцелевшей после войны. Изба совсем крошечная, но в маленьком огороде растут овощи, и хозяйкина коза дает достаточно молока, чтобы ты мог пить его каждое утро еще теплым из большой чашки. Днём мы гуляем на природе, друг твой показывает нам места, где двадцать пять лет назад шли ужасные бои. Теперь здесь все кажется таким мирным, спокойным, прекрасная природа, кругленькие озера, окруженные холмиками, стоит равняя осень, все в золоте, по еще тепло. Иногда мы пачкаемся в старые партизанские стоянки, настоящие подземные деревни, наполовину заросшие бурьяном. Порой мы проходим через руины сожженных немцами деревень, все население которых, старики, женщины и дети, было уничтожено. В Белоруссии сотни таких мертвых селений. Здоровые люди погибли на войне, остальные были уничтожены фашистами, а дома их сожжены. Мы поражены контрастом между тихой, прекрасной природой и жестокостью совершенных на этой земле преступлений. Вечером, усевшись за столом, при свете керосинки мы слушаем рассказы старух-хозяйки, которые заставляют меня почувствовать народную трагедию этой страны значительно лучше, острее, чем официальная пропаганда.

Ты не любишь военные истории, но как для каждого советского человека, они для тебя — плоть и кровь. Горячо любимый тобой парод слышит в твоих песнях эхо беды, которая не пощадила ни одной семьи: двадцать миллионов погибших, миллионы инвалидов, сирот, вдов и вдовцов. Тысячи городов в деревень уничтожены, стерт с лица земли.

На твоих конвертах плачут седые ветераны, склонив голову на грудь орденам, молодые люди серьезны и задумчивы. Твои песни делают больше для мира и для памяти погибших, чем все фильмы, документы, памятники и официальные речи вместе взятые.

Творчество

Мы ужинаем на кухне, я подаю на стол, но по твоим затуманенным глазам, по безразличной прожорливости понимаю, что мысли твои далеко. Ты едва отвечаешь на мои вопросы; стихи бродят где-то оядом, велика упустить драгоценные строфы. И, не закончив ужина, ты бросаешься к рабочему столу. Мне остается только убрать посуду, и знаю, что есть теперь ты захочешь песен. Я готовлю крепчайший чай, тихонько ставлю перед тобой чашку и закрываю дверь. Ты уже испил своим медным аккуратным почерком целый листок.

Долгие часы ты не встаешь со стула, устремив взор на белую стену. Ты не переносишь никаких рисунков, картин, никаких «помятостей» на стене, перед которой стоит твой рабочий стол. Во всех наших квартирах мы придумали стол к углу, ты сидишь спиной к окну, очень любишь, если от остальной комнаты твой «уголок» отгораживал шкафом или этажеркой. И всегда требовал, чтобы перед глазами у тебя была гладкая, чистая и пустая поверхность стены.

(Окончание на 4-й стр.).